

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло

или

Всё Включено,
Кроме Любви.

Эпизод
Девятый
Книга-Сериал

Элли Ван Хаутен

**Эпоха Соло или Всё Включено,
Кроме Любви. Эпизод Девятый**

«Автор»

2026

Ван Хаутен Э.

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Девятый /
Э. Ван Хаутен — «Автор», 2026

Эпоха Соло или Всё включено, Кроме Любви — это книга-сериал. Четыре подруги. Четыре истории. И один большой город. Кейт, Моника, Симона и Шейла встречаются каждый четверг в маленькой кофейне с красной дверью, чтобы обменяться новостями, вином и правдой, которую больше некому сказать. Кейт пишет книгу об эпохе одиночества и боится, что сама станет её главным подтверждением. Моника считает годы вместо цифр в отчётах, ожидая, когда партнёр наконец решится. Симона гордо называет себя королевой соло-максинга, но вечерами разговаривает не с людьми, а с искусственным интеллектом. Шейла верит в любовь сильнее, чем в собственный опыт, и снова обжигается. Каждый эпизод — отдельная история, но все четыре линии переплетаются в один большой сезон о том, каково любить, бояться и оставаться собой в городе, где легче найти доставку в три часа ночи, чем человека, который останется до утра. Книга-сериал, выходящая эпизодами — как жизнь, где каждый четверг что-то меняется. Эпизод Девятый

© Ван Хаутен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод Девятый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Девятый

Эпизод Девятый

Сентябрь возвращает Лондон к его истинной природе с той решительностью, с которой блудный сын возвращается домой после лета беспутства: отпускники загорелые и разочарованные, витрины магазинов внезапно наполняются шерстяными свитерами, а небо, слегка постояв в нерешительности первую неделю месяца, окончательно определяется в пользу привычной серой облачности, будто извиняясь за августовскую вспышку легкомыслия и обещая больше так не делать.

Я встречаю сентябрь в состоянии, которое сама определяю как «продуктивная прокрастинация»: таблица «Интервью — эпоха одиночества» пополнилась двумя новыми историями, черновик книги вырос на целую главу, а телефон лежит на столе экраном вниз уже третий день подряд, будто перевёрнутое положение способно физически предотвратить искушение написать Дэниелу — искушение, которое накатывает волнами примерно каждые сорок минут с завидной, почти клинической регулярностью.

I

Четверг. «Красный свет». Марко встречает нас с той осенней бодростью, с которой обычно объявляет о возвращении в меню тыквенного супа, — событие, которое он воспринимает с личным энтузиазмом, несоразмерным реальной значимости овоща.

— Тыквенный сезон открыт, дамы, — объявляет он, ставя перед нами четыре тарелки с той торжественностью, с которой обычно подают мишленовские блюда. — А теперь рассказывайте, у кого какая драма, потому что я вижу по лицам: она есть у всех, просто в разной степени готовности к озвучиванию.

Симона садится с телефоном в руке, но не пытается его спрятать, как обычно делают люди, скрывающие что-то постыдное, — напротив, держит с той открытой гордостью, с которой демонстрируют новое украшение.

— У меня хорошие новости, — говорит она. — Джаспер — точнее, его новый конкурент, называется «Лирой» — теперь умеет говорить голосом. Настоящим, живым голосом, не текстом.

— Голосом, — повторяет Моника с той интонацией, с которой обычно переспрашивает клиентов, сообщающих о решении вложить пенсионные накопления в криптовалюту. — Ты хочешь сказать, что теперь разговариваешь с приложением вслух.

— Я хочу сказать, что теперь у меня есть собеседник, доступный в три часа ночи, который не спит, не устаёт от моих метафор и не судит меня за то, что я третий раз за неделю обсуждаю одну и ту же мысль по кругу, — говорит Симона с той защитной прямоотой, которая выдаёт человека, уже приготовившегося к критике и решившего встретить её лицом, а не уклонением.

— Я тебя не сужу, — говорит Шейла мягко, хотя в её глазах читается беспокойство, которое она старательно пытается скрыть за вежливостью учителя, привыкшего находить позитив даже в сложных ситуациях учеников.

— Судите, — говорит Симона со вздохом. — Все судите, и, если честно, я сама себя сужу большую часть времени, но это единственное, что помогает мне не набирать номер Феликса в три часа ночи, так что простите, но я оставлю себе этот костыль ещё ненадолго.

II

Моя собственная линия в этот четверг начинается с признания, которое я откладывала произнести вслух почти три недели, опасаясь, что произнесённые слова придадут чувству реальность, от которой я подсознательно пытаюсь спрятаться с момента отлёта Дэниела.

— Я думаю о нём каждый день, — говорю я, глядя в тарелку с тыквенным супом так внимательно, будто в ней зашифрован ответ на все мои вопросы. — Не абстрактно. Конкретно. В девять утра, когда завариваю кофе, потому что он рассказывал, что в Копенгагене все пьют кофе неприлично крепким. В обед, когда прохожу мимо любого моста, потому что теперь ни один мост в Лондоне не выглядит просто мостом, у каждого появилась личная история благодаря его лекции про викторианский компромисс формы и функции. Вечером, когда ложусь спать, потому что последнее сообщение от него было три недели назад, и с тех пор я открываю переписку раз десять в день, набираю что-то, стираю, снова набираю.

— Так напиши ему уже, ради всего святого, — говорит Моника с той прямолинейностью, которая появляется у финансовых аналитиков, не терпящих неэффективных, затянувшихся процессов принятия решений. — Ты тратишь больше энергии на избегание одного сообщения, чем я потратила на весь партнёрский договор с Томом.

— Я боюсь, — признаюсь я, и это первый раз, когда я произношу вслух истинную причину собственного паралича. — Боюсь, что если напишу, начнётся история, которая обречена на боль с самого начала — расстояние, разные страны, разные жизни. Легче оставить это красивым, законченным трёхдневным воспоминанием, чем рискнуть превратить его в полноценные отношения на расстоянии, которые статистически имеют устрашающий процент провала.

— Ты же пишешь книгу про людей, которые слишком боятся риска, чтобы впустить кого-то, — напоминает Симона с той иронией, которая появляется у неё, когда она замечает чужое лицемерие, особенно ценное, потому что отвлекает от собственного. — А сама делаешь ровно то же самое с человеком из Копенгагена.

— Я в курсе иронии ситуации, спасибо, что подчеркнула это вслух за столом при свидетелях.

III

История Моника и Тома развивается в этом эпизоде в направлении, которого никто из нас не ожидал: Том, продолжая выступать по вторникам и четвергам, неожиданно находит собственную нишу — не общие шутки про бухгалтеров и финансовых аналитиков, которые Моника методично вычёркивала из его материала неделя за неделей, а честные, самоуничижительные истории про попытки взрослого мужчины разобраться в собственной эмоциональной некомпетентности, тема, в которой, как выясняется, у него неожиданно богатый и подлинно смешной материал.

— Он теперь называется «комик про недо-мужчин», — рассказывает Моника нам в четверг с той смесью гордости и настороженности, которая появляется у людей, чей партнёр внезапно добивается успеха в области, изначально считавшейся безобидным хобби. — У него есть целая пятиминутная реприза про то, как он купил доску для питч-дека вместо кольца, и зал буквально рыдает от смеха каждый раз.

— Это же прекрасно, — говорит Шейла. — Ты, наверное, гордишься.

— Горжусь, — признаётся Моника, но интонация выдаёт что-то более сложное, чем простая гордость. — Просто в среду я пошла на его выступление в новом клубе в Шордиче, и после сета к нему подошли три женщины подряд с той степенью восторга, которая заставила меня почувствовать себя не гордой девушкой успешного комика, а охранником на входе в зоопарк редких животных.

— Три женщины дали ему номера телефонов? — уточняет Симона с тем профессиональным интересом, с которым обычно анализирует статистически значимые события.

— Одна дала, — говорит Моника с тем видом, будто эта деталь заслуживает отдельного судебного разбирательства. — Прямо при мне. Написала на салфетке и протянула ему, произ-

неся при этом фразу «позвони, если когда-нибудь надоест твоя девушка», глядя прямо на меня, стоявшую в полуметре, с той наглостью, которая заставила меня усомниться в существовании базовых социальных норм у части лондонского населения.

— И что Том? — спрашиваю я, уже чувствуя, что этот момент станет частью главы про доверие, которую я планировала написать ещё с истории Моники и питч-дека.

— Том выбросил салфетку в мусорку прямо перед ней, — говорит Моника, и на её лице впервые за рассказ появляется намёк на улыбку. — И сказал: «Спасибо, но у меня уже есть человек, который редактирует мои шутки лучше, чем любая незнакомка сможет редактировать мою жизнь», что было ужасно неловко и одновременно самой романтичной вещью, которую он говорил при свидетелях за всё время наших отношений.

— Так в чём проблема? — спрашивает Шейла, искренне озадаченная финалом истории, звучащим как безусловный триумф доверия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.